

Чебанюк Т. А.

МЕЧТАТЕЛЬ-ЭНТУЗИАСТ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

Чебанюк Т. А.

T.A. Chebanyuk

МЕЧТАТЕЛЬ-ЭНТУЗИАСТ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

‘IDEOLOGIST ENTHUSIAST’ AS AN ANTHROPOLOGICAL TYPE

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)-53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru

Ms. Tatiana A. Chebanyuk — Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; tel.: + 7 (4217) 537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается декабристская модель «человека просвещенного», обозначенная как «мечтатель-энтузиаст». Показано противоречие между его идеальными намерениями и реальной практикой, тактикой действий. Выявлена обусловленность радикализации идей и намерений в процессе политической и социокультурной практики.

Summary. The paper deals with the Decembrist model of “educated person” specified as “ideologist-enthusiast”. The contradiction between his ideal intentions and real practice and activity tactics are shown. Conditionality of idea/intention’s radicalization in the process of political and socio-cultural practice is demonstrated.

Ключевые слова: просветители, социально-политическая рефлексия, эмоционально-психологические реакции, мечтатели, мифологические структуры.

Key words: enlighteners, socio-political reflection, emotional and psychological reactions, ideologists, mythological structures.

УДК 007

Каждая культурно-историческая эпоха обладает антропологическим статусом, и в работах современных исследователей актуализируется ее осмысление через «факт существования человека», его социокультурной практики. Человек – субъект, творящий социокультурную данность – ключевой концепт культуры, в нем объективируется ее состояние, обнажается смысловая конструкция. Культуру первой четверти XIX века во многом репрезентирует антропологическая модель «человека-декабриста». По типу отношения к обществу, социальной и личной практики в начале своего формирования декабристы были просветителями, они вливались в общее движение, актуализировавшее в первых десятилетиях XIX века метаидею преобразования российской жизни. «Толкования о переменах в образе правления» [4, 51], – свидетельствует А.И. Кошелев, – особо отличали молодое поколение русских людей, стремящееся к объединению в общества. Они хорошо были знакомы с трудами европейских мыслителей, в процессе следствия указывали на работы Вольтера, Мабли, Монтескье, Руссо, Рейналя, Смита и др. Программные документы Северного и Южного обществ обнаруживают оперирование ключевыми просвещенческими концептами «естественного права», «гражданского права» и «общей пользы».

На первых порах в качестве механизмов устройства справедливого общества декабристы полагали просвещение и справедливые законы, дарующие человеку свободу и благоден-

ствие, поддерживающие нравственно здоровые силы человека. Н.Б. Басаргин отмечал, что «члены общества были добрые, большею частью умные и образованные молодые люди» [10, 17]. Однако современники чаще всего оценивали декабриста как «говоруна», хотя в «следственных» показаниях, в «Записках», созданных ими по истечении времени и содержащих анализ происшедшего, прочитывается не только признание в «заблуждениях ума», но и осмысление того, что они, «не испытав и не взвесив ни чужих, ни своих сил», выступили «не по силам на ... поприще борьбы» [14, 376]. П.А. Вяземский, определяя установки двух просвещенческих движений в России начала века (просвещенческого, явленного в либеральном движении, и декабристского, приобретшего в своем развитии радикальные формы), писал: «Ниспровержение ... мнимой России было целью голов нетерпеливых, молодых и пламенных; исправительное преобразование ее есть и ныне, без сомнения, цель молитв всех верных сынов России, добрых и рассудительных граждан» [2, 367]. Он полагал, что декабристы не знали России, не понимали истинных задач ее преобразования, не имели опыта гражданской деятельности, не были на стороне истинного просвещения.

Однако эмоционально-психологическое состояние восторженного всемогущества, вызванного победами над французскими завоевателями, в которых участвовали многие декабристы, требовало своего разрешения, приложения сил на русской почве. В «Воспоминании о Рылееве» Н.А. Бестужев отмечал, что «самоотвержение» в желании освобождения отечества даже ценою своей жизни в нем «возрастало вместе с любовью к отечеству, которая, наконец, перешла в страсть – высокое восторженное чувство» [11, т. 2, 63]. Примечательна героико-жертвенная патетика объяснения К.Ф. Рылеевым перед матерью «дела жизни», ради которого он «будет лить кровь свою» [11, т. 2, 65], и признание В.К. Кюхельбекера перед Следственной комиссией: «... характер мой ... человека, который ... почти вовсе не жил в настоящем мире ... всегда увлекался первым сильным побуждением и никогда не помышлял о пагубности для себя последствий своих малообдуманных поступков» [4, 169]. В человеке-декабристе преобладали эмоционально-психологические, энтузиастические реакции над социально-политической рефлексией. С.П. Трубецкой писал в «Записках»: «Они не имели в виду для себя никаких личных выгод, не мыслили о богатстве, почестях и власти ... они жертвовали собственным благополучием и отчетливо это осознавали, решаясь «принести в жертву Отечеству жизнь, честь, достояние и все преимущества, какими пользовались, – все, что имели, без всякого возмездия» [9, 73-74.].

Однако современники оценивали его как «говоруна», энтузиаста. Н.И. Греч считал декабристов «недообразованными» молодыми людьми, набравшимися «заманчивых идей либерализма» [3, 244]. Речь шла об искаженном усвоении ими идей европейского Просвещения. Так, декабрист А.В. Поджио писал о ложном направлении мысли молодых людей: «...гражданственность, пожалуй, и зарождалась, но под наносными иноземными влияниями, зарождалась без гласности, без данного направления, а потому вышла бесцельно, врозь и каждый был безответно сам себе судья, сам себе вожак» [14, 376]. Энтузиастические их побуждения оказались значительнее интеллектуальных процессов ума. Многие мемуаристы отмечали свое или чужое восторженное состояние ума и сердца.

Эмоциональная восторженность в «спасителе отечества» доминировала над рационально-логическим анализом положения вещей, преобладала в оценке событий и людей, предопределяла механизм социокультурной идентификации: накал чувств, пламенность речей о спасении отечества, необходимости жертвенного подвига были опознавательными знаками «человека своего круга». Он воспринимал только явленное ему в ореоле ожидаемого накала чувств, горячности речей, не сомневался в его истинности: сущее подменялось «мыслимым», которое и руководило его действиями и поступками. Н.А. Бестужев свидетельствовал о том, что Рылеев очень плохо разбирался в людях и доверял им безоговорочно только на основании «пламенных» слов или заверений: «... сердце его было слишком открыто, слишком доверчиво. Он во всяком человеке видел благонамеренность, не подозревал обмана и, обманутый, не переставал верить. Опытность ни к чему для него не служила. Он все видел в

радужные очки своей прекрасной души. ... Если человек недоволен был правительством или злословил власти, Рылеев думал, что этот человек либерал и хочет блага отечества. Это было причиною многих его ошибок на политическом поприще» [11, т.2, 75].

Жертвенность в декабристском человеке, определяющаяся энтузиастическим состоянием души, гражданской страстью, во многом обусловлена его историческим оптимизмом, в основе которого была вера в преобразующее сознание людей воздействием героического поступка (жертвы). В этой ситуации интенции жертвенности явно обнаруживают мифологическую природу: смерть-жертва является одновременно и началом новой жизни. Перед нами архетипическая структура «смерть-жизнь» или (в равной мере) «жизнь-смерть». Необходимо отметить, что императив жертвенности усиливался в «спасителе отечества» по мере все более отчетливого проявления идеологических и тактических разногласий между двумя обществами и внутри каждого из них, особенно в канун декабристского восстания, когда отчетливо проявилось несогласие преимущественно старшего поколения декабристов на радикальные меры.

«Спаситель отечества» создает и миф о демиургических возможностях силы, организованной в общество и способной положить начало новой государственности. Мифогенные процессы, неизбежно связанные с их идеологическими конструктами, оказали влияние на логику его формирования. Сила обществ, по мнению ее членов, была в искренности общего стремления, но, как считал Н.И. Тургенев, не было «никакой организации», не было идейного печатного органа, дисциплинирующего начала. Мифогенные процессы, неизбежно связанные с их идеологическими конструктами, оказали влияние на логику его формирования». Сила обществ, по мнению ее членов, была в искренности общего стремления, но, как считал Н.И. Тургенев, не было «никакой организации», не было идейного печатного органа, дисциплинирующего начала

Следует отметить и особое понимание России, сказавшееся на процессе формирования интеллектуальной и социальной практики «энтузиаста-мечтателя»: она представлялась страной «молодых начал, огромных возможностей. На стороне России была «молодость, мощь и великая восприимчивость» [1, 374], национальная сила, поэтому она, по мнению С.П. Трубецкого, должна быть поставлена на «ту ступень просвещения, на которую она имела право по политическому своему положению в европейском мире» [9, 67]. Убежденность в харизматической судьбе России разделяли все декабристы: их объединяла «теплая вера в Провидение, сердечное убеждение, что святая Русь достигнет высочайшей степени благоденствия, что русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудные способности, его язык богатейший ..., что небо предопределило россиянам быть великим, благодатным явлением в нравственном мире» [6, 15]. Кроме того, ими руководило и желание «стяжать и известность, и мученический венец» [5, 54], также свидетельствующее об идеалистическом строе мышления декабристов.

Первые декабристские организации складывались на условиях осуществления «ближних целей», которые по своей сущности были просвещенческими. С.П. Трубецкой в «Письме к детям» отмечал, что «многие члены вступили в общество, когда еще конечное его действие представлялось в неизвестной дали» [9, 40]. Поэтому члены «Союза благоденствия», избравшие своей деятельностью «отрасль человеколюбия», должны были «склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению», оказывать благотворительную помощь неимущим, «приготовливать человека ... к званию гражданина и добродетельного человека» [13, 54], а себя – к «занятию мест» для «передового гражданского служения». В записке «Об историческом ходе свободомыслия в России» (письмо императору Николаю из Петропавловской крепости) А.А. Бестужев упоминает совет Г.С. Батенькова «идти вперед и, став на важные места в правлении, понемногу производить перемену или властью, заимствованной от престола, или своими мнениями, в других вперенными» [7, 211].

Тактика «давления на правительство» и овладения общественным мнением определила задачи «приготовления к конституции» [11, т.1, 340], «приобретения необходимых сведе-

ний и познаний», «распространение убеждений» и «разглашение благородных и полезных действий людей должностных и граждан» [9, 31.]. Энтузиаст – мечтатель, «спаситель отечества» создает соответствующую тактике программу действия: «Тогда общество не имело еще цели истребить ... царствующую династию. Приготовления к конституции, распространение света или просвещения и правил чистейшей добродетели – были основанием установления этого общества» [11, т.1, 342], – писал В.Ф. Раевский. Ознакомившись с уставом «Союза благоденствия», Н.И. Тургенев нашел, что «... проект как в целом, так и в отдельных частях касался лишь теоретических вопросов; нигде не выступало ясно намерение действовать, произвести какие-либо перемены в государственном строе» [15, 109].

Понятие отечество, во многом идеально отвлеченное в XVIII веке, обрело личностный смысл. Члены «Союза благоденствия» («Общество «Зеленой книги»»), избравшие своей деятельностью «отрасль человеколюбия», должны были «склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению», оказывать благотворительную помощь неимущим. «Отрасль образования» предлагала членам общества способствовать воспитанию юношества ... к званию гражданина и добродетельного человека», распространению просвещения. Ближние цели были определены и тактикой формирования общественного мнения: «занятия мест» и привлечения на сторону «передового гражданского служения» виднейших государственных деятелей.

«Дальняя цель» (изменение государственного строя России), тактика и способы достижения которой изменялись, рассматривалась теоретически и была отнесена в неопределенно будущее время. На начальном этапе она связывалась с традиционными для России идеями конституционного ограничения самодержавия. М.А. Фонвизин в опросном листе Следственного комитета писал, что большая часть членов желала для России монархического образа правления, ограниченного представительными институтами, по образу Англии и Франции, но были и приверженцы и республиканской свободы Северо-Американских штатов. Например, Пестель так определял задачи «Общества истинных и верных сынов Отечества»: «приготовить наперед план конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений, дабы с открытием революции новый порядок мог сейчас быть введен» [4, 179].

Актуальным и сегодня остается мнение Н.И. Тургенева о том, что «событию 14 декабря придавалось значение, какого оно не имело...» [15, 112.]. «Спасители отечества» были не профессиональными революционерами, рациональными мыслителями, но мечтателями на русский манер. Теории быстрого и бескровного преобразования России через военный переворот, политические и социальные проекты нового государственного порядка, «усвоенные столькими людьми с пылкой фантазией, доказывают, без сомнения, прекрасные намерения, даже энтузиазм, но почти не обещают никаких осязательных результатов» [15, 114], – к такому выводу приходит Н.И. Тургенев. Он добавляет ряд существенных деталей в характеристику декабристов: «я считаю и всегда буду считать их добродетельными существами, одушевленными самыми чистыми намерениями, самой похвальной готовностью жертвовать собой ради своих ближних. Конечно, не все были в одинаковой мере достойны похвалы, но разве на земле часто встречается совершенство» [15, 291]? Эту особенность декабристского человека понял и П.А. Вяземский, который считал наказание декабристов незаслуженно суровым: «По совести нахожу, что казни и наказания несоизмерны преступлениям, из коих большая часть состояла в одном умысле. Вижу в некоторых из приговоренных помышление о возможном цареубийстве, но истинно не вижу ни в одном твердого убеждения и решимости на совершение оно»; «все оставалось на словах, на бумаге, потому что в заговоре не было ни одного цареубийцы. Я не вижу их на Сенатской площади 14 декабря, как не вижу героя в каждой войне на поле сражения. ... зачем же казните преждевременно и убийственную болтовню, ... ставите вы на одних весах с убийством, уже совершенным» [2, 126]. По его мнению, декабристы не только были не готовы к вооруженному выступлению, но и не способны к решительным действиям.

Взяв на себя роль единственно верных устроителей политической и общественной жизни страны, декабристы формировали просвещенческую идеологию как изначально оппозиционную по отношению к государственной власти. Причем оппозиционность осмысливалась ими как «стихия всякого политического устройства» [8, 6]. Новый тип гражданственности М.С. Лунина называют «зрелой гражданственностью», усилия которой смогли рассеять «едва ли не общий предрассудок о невозможности другого, кроме существующего, порядка» [8, 54]. В статье «Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года» он замечает, что сознание современников сумело подняться над укорененной в нескольких поколениях людей идеей изменения «порядка внутри самого порядка» и, «действуя умственной силою на совокупность народную, направить мысли, чувства и даже страсти к цели коренного преобразования правительства» [8, 54]. Следует заметить, что в среде либерально настроенных людей эпохи шел обратный процесс: росло убеждение в необходимости государственного основания для просвещенческих изменений в обществе и в бесплодности оппозиции в русском обществе, большая часть которого находилась вне общественных движений. Показательно, что накануне «декабря» П.А. Вяземский в письме к А.С. Пушкину писал: «Оппозиция – у нас бесплодное и пустое ремесло во всех отношениях. ... Она не в цене у народа. ... Хоть будь в кандалах: их звук не разбудит ни одной новой мысли в толпе, в народе, который у нас мало чуток» [12, 233]. Позже, переживая и переосмысливая политический опыт декабристов, он откорректирует свое отношение к выступлению на Сенатской площади, но принципиально не изменит своего мнения о несостоятельности в России политической оппозиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский, М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов / М. К. Азадовский // Литературное наследство: Декабристы - литераторы. – М.: Наука, 1954. Т. 59, кн. 1. – С. 360- 397.
2. Вяземский, П. А. Записные книжки (1813-1848) / П. А. Вяземский. – М.: АН СССР, 1963. – 507 с.
3. Греч, Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. – М.- Л.: Academia, 1930. – 440 с.
4. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии: Дела А.П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н.А. Панова, В. К. Кюхельбекера, И.И. Пущина и др. // Восстание декабристов. Материалы по истории восстания декабристов. Т. 2. – М.- Л.: Госиздат, 1926. – 424 с.
5. Кошелев, А. И. Мои записки (1812-1883 годы). Русское общество 40-50-х годов XIX века / А.И. Кошелев. – М.: МГУ, 1991. – 238 с.
6. Кюхельбекер, В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / В. К. Кюхельбекер. – Л.: Наука, 1979. – 792 с.
7. Литературная критика и публицистика декабристов: «Их вечен с вольностью союз» / под ред. С.С. Волка. – М.: Современник, 1983. – 368 с.
8. Лунин, М. С. Письма из Сибири / М. С. Лунин. – М.: Наука, 1987. – 496 с.
9. Мемуары декабристов. Северное общество / под ред. В.А. Федорова. – М.: МГУ, 1981.– 400 с.
10. Мемуары декабристов. Южное общество / под ред. В.А. Федорова. – М.: МГУ, 1982. – 352 с.
11. Писатели - декабристы в воспоминаниях современников: в 2 т. /под ред. В.Э. Вацура. – М.: Художественная литература, 1980. Т. 1. – 486 с.; Т. 2. – 506 с.
12. Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1982. – С. 233-224.
13. Пыпин, А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. В 3 т. Т. 3: Общественное движение в России при Александре I. – Пг.: Огни, 1918. – 674 с.
14. Русские мемуары: Избранные страницы. 1800–1825 гг. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
15. Тургенев, Н.И. Россия и русские / Н. И. Тургенев. – М.: ОГИ, 2001. – 744 с.